

Пронкин Сергей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
«Политическая история» факультета государственного
управления Московского государственного университета им.
М.В. Ломоносова
e-mail: pronkinsv@mail.ru

ЯВЛЯЛОСЬ ЛИ «ВВЕДЕНИЕ К УЛОЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ» М.М. СПЕРАНСКОГО КОНСТИТУЦИЕЙ?

Статья посвящена конституционному проекту, составленному М.М. Сперанским в 1809г. Автор подводит некоторые итоги изучения его в отечественной историографии. Главное внимание обращено на политико-юридический смысл проекта. Являлся ли проект конституцией, т. е. предусматривал ли он ограничение власти монарха? Характер ответа на данный вопрос зависел от принадлежности исследователя к одному из историографических направлений, которые в статье определяются как «позитивное», «негативное» и «среднее».

Ключевые слова: Сперанский М.М., «Введение к уложению государственных законов», конституционные проекты, государственно-административные преобразования Александра I.

В конце 2009г. исполнилось двести лет со времени написания М.М. Сперанским «Введения к уложению государственных законов» (далее – «Введение») – самого известного из конституционных проектов, появившихся в истории России (проект имеет и второе название – «План государственного преобразования», далее – «План»). За это время он неоднократно становился предметом научных исследований, в которых давались политические и

юридические оценки данного документа, вскрывались условия его появления, теоретические и юридические источники, причины, помешавшие реализации важнейших положений «Введения», и прочие связанные с ним обстоятельства. Целью настоящей статьи является подведение некоторых итогов изучения «Введения» применительно к проблеме его политико-юридического смысла. Являлось ли оно конституцией, предполагало ли оно ограни-

чение самодержавной власти?

Ясный и категорический ответ на данный вопрос затруднён самим характером проекта. Детальные обстоятельства работы над ним не выяснены, историки вынуждены исходить из версии, изложенной Сперанским в оправдательном «Пермском письме», направленном им Александру I из ссылки. В нём Сперанский утверждал, что «Введение» являлось оформлением и систематизацией тех политических идей, которые сообщал ему император во время их многочисленных доверительных бесед. Вопрос о роли каждого из «соавторов» в разработке «Плана» является предметом научной дискуссии, но, помня об адресате письма, Сперанский не мог сильно исказить роль императора в его составлении. Однако известно, что политические взгляды Александра I, несмотря на заявляемые им с юности конституционные устремления, не отличались устойчивостью и определённой, он постоянно метался между различными политическими началами, часто противоположными. Эта неопределённость не могла не проявиться в содержании «Плана». Историки сравнительно поздно иденти-

фицировали его окончательный вариант, находившиеся же в их распоряжении предварительные редакции «Введения» несколько отличались по своему политико-юридическому содержанию. Даже в итоговой редакции Сперанский предложил императору выбрать одно из двух возможных государственных устройств: «Первое состоит в том, чтоб облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия. Второе устройство состоит в том, чтобы не внешними только формами покрыть самодержавие, но ограничить его внутреннюю и существенную силою установлений и учредить державную власть на законе не словами, но самим делом» [1]. Сопутствующие рассуждения Сперанского по поводу данных систем позволяют предполагать, что его симпатии на стороне последней, т. е. действительного ограничения самодержавия, но категорически он этого не заявил.

Неопределённо в проекте указана и роль Государственной думы в законодательстве. Она должна была заниматься «уважением» законов, что одни исследователи по-

нимают как их обсуждение, другие – принятие. Наконец, на оценку историками «Плана» оказывало влияние несоответствие выраженных в нём идей с теми, которые высказывались Сперанским ранее. Наиболее разительными эти перемены в оценке им возможности установления в России конституционного строя кажутся при чтении «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803). Здесь Сперанский, казалось, убедительно доказал невозможность перехода России к истинной, т. е. конституционной монархии. «В настоящем порядке вещей мы не находим самых первых элементов, необходимо нужных к составлению монархического управления,» – писал он, добавляя при этом, что указанные им препятствия в настоящее время «неразрешимы и одно время разрешить их может» [2]. Очевидно, что за шесть лет, отделявших данную записку от «Введения», эти «элементы» не могли появиться, а затруднения на пути к конституционному строю – быть преодолены (столь разительная перемена взглядов не может не поставить вопрос о степени искренности и самостоятельности Сперанского при состав-

лении им записок, которые приходилось подстраивать под взгляды лица, для которого они предназначались).

Проект Сперанского, разрабатывавшийся в обстановке строгой секретности, не сразу стал предметом серьёзных научных исследований. Окружавшая его таинственность была связана с изначально принятым императором Александром Павловичем методом подготовки либеральных реформ, который был поддержан и его доверенным окружением. «Итак, – мысленно объяснялся с монархом в мае 1801г. гр. П.А. Строганов, – если я верно понял мысль вашего величества, можно установить следующее: реформа должна быть созданием государя и тех, которых он выберет своими сотрудниками, и никому постороннему не должно быть известно, что ваше величество взяли на себя почин такого дела... Предстоит двойная задача: с одной стороны, щадить умы от нежелательного предубеждения против реформы, с другой – понять настолько настроение общества, чтобы не возбудить недовольства напрасно. Это требует заседаний секретных...» [3]. Таким образом, тайная подготовка либеральных реформ объяснялась не-

доверием их инициаторов к обществу, опасением вызвать как неоправданные надежды, так и преждевременное сопротивление. Был и более прозаический мотив – ревнивое желание сохранить дело реформ в своих руках, не делиться с другими славой их подготовки и проведения.

Закрытость темы ещё более усилилась при Николае I, который с неодобрением относился к либеральным проектам своего старшего брата. В подобной общественно-политической обстановке специальные научные исследования конституционного проекта 1809г., естественно, не могли быть предприняты. В исторической литературе николаевской эпохи конституционные предприятия Александра I благонамеренно игнорировались. В иных условиях находились немногочисленные тогда представители политической эмиграции. Н.И. Тургенев, являвшийся одним из её видных представителей, опубликовал в 1847г. на французском языке книгу «Россия и русские», к которой, среди прочих политических документов, были приложены «Пермское письмо» Сперанского и «экстракты» (извлечения) из его конституционного проекта [4]. Публикатор указывал, что стремил-

ся дать общее представление о труде Сперанского, поэтому «извлек» только наиболее общие положения. В течение нескольких десятилетий именно публикация Тургенева использовалась исследователями для изучения «Введения». Впоследствии выяснилось, что представленный Тургеневым вариант конституционного проекта значительно отличался от аутентичного текста, являлся компиляцией, соединившей несколько связанных со Сперанским документов, составленных в период с 1802 по 1809гг. (Тургенев видел некоторые противоречия в опубликованных им документах, но посчитал их малосущественными). В результате первые исследователи проблемы получили искаженное представление о подлинном содержании «Плана».

Научная разработка проблемы стала возможна только после крушения николаевского режима, когда не только заметно ослабили цензурные ограничения, но и стремительно вырос научный и общественный интерес к вопросу. Настоящим пионером в изучении государственной деятельности Сперанского стал барон (позже граф) М.А. Корф. Но по причине не только цензуры, но и

самоцензуры исследователь, являвшийся видным сановником Николая I, был вынужден ограничиться только указанием на само существование конституционного проекта и его самой общей оценкой. «Колоссален был этот план, исполненный смелости как по основной своей идее, так и в подробностях развития», – писал он, признавая одновременно его несвоевременным, несоответствующим уровню развития страны [5]. Талантливая монография Корфа привлекла внимание к деятельности Сперанского историков и публицистов, которые стали широко использовать помещённые в ней документальные материалы, но на сам конституционный проект продолжало сохраняться табу. Первым достаточно подробный анализ содержания «Введения» дал, используя публикацию Тургенева, А.Н. Пыпин [6]. Корф и Пыпин наметили два направления исследований «Введения», которые условно можно обозначить как «позитивное», лояльное в отношении Сперанского и его труда, и «критическое». Данные направления стали традиционными для историографии проблемы, в общих чертах они сохраняются до настоящего времени. Проект 1809г. относился к той

категории документов, при анализе которых не могут не сказываться политические симпатии исследователя. Поэтому к первому направлению обычно принадлежали приверженцы «передовых», либеральных взглядов, ко второму – консерваторы. Представители «позитивного» направления (М.В. Довнар-Запольский, А.А. Кизеветтер С.Г. Сватиков, В.И. Семевский, А.Н. Фатеев С.Н. Южиков и другие) высоко ставили содержание проекта, считали его конституционным, а намерения Сперанского искренними. Напротив, для исследователей «критического» направления (М.И. Богданович, Б.Б. Глинский, М.П. Погодин, А.В. Романович-Славатинский, С.М. Середонин, Н.К. Шильдер и другие) характерно более скептическое отношение к качеству проекта [7]. Одновременно или отрицалось конституционное содержание «Введения», или наличие такового приписывалось не Сперанскому, а императору Александру I, мысли которого и были оформлены в проекте. Грань между данными историографическими направлениями на практике является зыбкой и условной. Крайние оценки «Плана» в научной литературе встречались и

встречаются редко, большинство исследователей сочетали критику одних его положений с положительной оценкой других. Технические недостатки плана были настолько очевидны, что их вынуждены признать все серьёзные исследователи. Поэтому на деле отнесение конкретной работы к одному из отмеченных историографических направлений может быть затруднительно, многие из них принадлежали к «среднему» направлению. Таковой, например, является монография А.Э. Нольде, ставшая итоговой для дореволюционной историографии [8]. Естественно, наиболее скептически отнеслись к содержанию «Введения» истории критического направления, среди которых по обстоятельности анализа выделялся Середонин. Он полагал, что «План» «сшит из лоскутков», а для практической реализации его положений потребовались бы десятилетия упорного труда [9].

Но и лояльные Сперанскому историки вынуждены были признать такие недостатки «Плана», как неравенство заявленных политических прав различных слоёв населения, их сложную иерархию, ограниченность прав Государственной думы, отсутствие указания на срок полно-

мочий её депутатов (Кизеветтер), отсутствие указания на характер избирательного права (тайное или открытое), плохую разработку порядка функционирования Думы (Довнар-Запольский), недостаточно чёткое разделение закона и административного распоряжения и не совсем внятное указание на порядок ответственности министров (Корнилов) и т. д. Однако данные исследователи, признавая несовершенства «Плана», оправдывали их. Они указывали на обстоятельства эпохи, на отсутствие в России опыта конституционного законодательства, на необходимость учитывать настроения Александра I, который был заказчиком проекта. Наконец, они напоминали, что «Введение» было именно введением к плану государственного преобразования (Уложению государственных законов), его концепцией, которую позже предполагалось детализировать. При всех своих недостатках, настаивал В.И. Семевский, проект был основательно продуман, логично построен и представлял для своего времени (выделено Семевским) замечательный документ [10].

Критические отношения к «Введению» усилилось в период революции 1905-1907гг.

и послереволюционные годы. Это было связано с эскалацией политических требований многих представителей либеральной оппозиции. Для большинства либеральных историков предшествующего времени план Сперанского был смелым документом, не потерявшим актуальности с точки зрения «реальной политики». Для решительно настроенных представителей оппозиции начала XX в., переживших политический ажиотаж 1905 г., ставших свидетелями появления Государственной думы, способ формирования которой и масштаб полномочий напоминал предложения Сперанского (само название первого российского парламента было заимствовано у него), «Введение» было глубоко консервативным документом, критикуя который, они критиковали современную им политическую действительность. Причиной усиления скепсиса в отношении «Плана» стало и формирование революционно-демократического направления историографии. Согласно известной мысли о сближении крайностей левые «иконоборцы» примкнули к консервативным «скептикам». Политическая заданность подобных работ не могла не

сказаться на их научном уровне [11].

Одной из центральных проблем развернувшейся вокруг «Введения» полемики был вопрос о политико-юридическом смысле данного проекта, о степени ограничения власти монарха, которую он предусматривал. Иначе говоря, вопрос стоял о том, являлся ли проект действительной конституцией или мнимой? За некоторыми исключениями, историки, принадлежавшие к «позитивному» направлению, склонялись к положительному ответу на него, многие сторонники «критического» направления – к отрицательному.

Конституционный характер «Введения» категорически отстаивал Пыпин [6]. Решительно настаивал на конституционном характере плана С.Г. Сватиков. Он полагал, что документ, безусловно, ограничивал самодержавную власть, т. к. «уважение закона», которое автор расшифровывает как право не только рассматривать, но и принять, одобрить законопроект, принадлежало законодательному учреждению, за монархом же закреплялось право утверждения его [12]. Так же смотрел на проблему В.И. Семевский [13]. Развернутую характеристику политико-

юридического содержания «Введения» дал А.А. Кизеветтер [14]. Он подробно пересказал содержание «Введения», признав Государственную думу законодательным, а не законосовещательным учреждением. С этой оценкой был согласен и А.А. Корнилов. Остановливаясь на двух указанных Сперанским возможных вариантов конституции (фиктивной и реальной), он был уверен, что симпатии автора проекта были явно на стороне второго: «Вопрос... был поставлен так прямо и ясно, что Александру прегражден был путь ко всяким мечтательным неопределенностям и приходилось серьёзно выбирать одно из двух, причём первая система была заранее опорочена» [15]. Признали за Государственной думой законодательный характер юристы Н.М. Лазаревский и А.Н. Филиппов [16].

Историки критического направления были в своих выводах менее определённые. Они или уклонялись от юридической оценки документа, или, признавая конституционный характер проекта, отрицали за Сперанским искренность конституционных намерений. Категоричен в своих выводах был С.М. Середонин, полагавший, что думать о возможно-

сти быстрой реализации столь грандиозного проекта мог только «или ослепленный фанатик, или человек, находившийся в состоянии самогипноза» [9]. Но он не считал Сперанского таковым, поэтому радикализм и одновременно небрежность плана объяснил иначе. Составляя план, реформатор просто уступал настоянию императора, но не мог не указать ему на величайшие затруднения, которые вызовут данные намерения. После этого, предполагал Середонин, должны были последовать значительные изменения плана, реформы ограничились бы сферой центральных административных учреждений, а самодержавная власть пока (выделено Середониным) была бы сохранена. Критически оценил «Введение» и М. Бородин, назвавший его автора «модным беспочвенным мечтателем, неискренним конституционалистом». Особенно интересна последняя характеристика. Разбирая план 1809г., Бородин признал его конституционный характер, но поставил под сомнение действительность намерения Сперанского ограничить самодержавие. «Если в его проектах находились конституционные формы, то только формы, т. е.

внешний вид ограничения, декорация представительного образа правления, но не «внутреннее» и не фактическое ограничение, – заключал автор. – Эта форма конституции, вся внешняя обстановка представительного правления, весь декорум ограничения власти нравились императору Александру I, но действительного стеснения или умаления своих державных прав он не допустил ни в России, ни в Финляндии, ни в Польше» [17]. Иначе говоря, исследователь полагал, что намерения Сперанского заключались в реализации не конституционного, а лжеконституционного проекта.

К критикам Сперанского из консервативного лагеря примкнули радикальные либералы и демократы. Так, весьма критично отнесся к «Введению» В.Н. Сторожев. Обоснование Сперанским готовности России к восприятию конституционного строя он, как и Бородин, считает надуманным и отвлеченным, игнорирующим социально-экономический контекст намеченных преобразований. «О какой конституционной монархии может идти речь, – вопрошал историк, – раз не поставлен ребром вопрос о немедленном крестьянском освобождении? Автор не за-

мечал этих тисков дворянства и бюрократии, в которых была сжата верховная власть» [18]. Историк предполагает, что сам Сперанский признавал нелепость данной попытки, но вынужден был считаться с мнением «заказчика» – императора.

Советская историография стремилась к новой концептуальной оценке «Введения», но на деле не смогла внести ничего принципиально нового в собственно политико-юридический анализ документа. На практике в историографии продолжали сохраняться два её традиционных направления. Изменения заключались в том, что преобладание положительных оценок «Введения» сменилось доминированием критических мнений о нём. Большинство советских историков примкнули к «критическому» направлению предшествующей историографии. Скептически к труду Сперанского отнеслись М.Н. Покровский и Н.А. Рожков, признавшие, впрочем, за Думой законодательные функции [19, с.215; 20, с.120]. Первые представители советской исторической науки, начинавшие свою научную деятельность до революции, могли ошибаться в своих выводах, но не были узкими догматиками, стреми-

лись к построению, на основе марксистской методологии, собственных теорий исторического процесса. Однако постепенно догматизация науки усиливалась. Руководящим началом для советской историографии проекта 1809г. надолго стало мнение В.И. Ленина относительно того, что «представительное собрание, существующее рядом с монархической властью, на деле, пока эта власть остается в руках монархии, является совещательным собранием, которое не подчиняет волю монарха воле народа, а лишь согласует волю народа с волей монарха...» [21].

Но существовало и другое направление советской историографии. Его представляли, те историки, которые соблюдая неизбежные идеологические формальности не стремились быть «святое папы», открыто не заявляя об этом. Они генетически были связаны если не с «позитивным» направлением дореволюционной историографии, которое теперь стало трактоваться как буржуазно-либеральное, то со «средним». Основоположителем данного направления советской историографии стал А.Е. Пресняков, который по своей биографии и методо-

логическим принципам принадлежал к дореволюционной историографии. Скептически относясь к практической применимости основных положений «Плана», он считал его не законченной работой, но изложением «принципов» русской конституции [22]. К данному «оттенку» советский историографии 20-30-х годов принадлежал Б.И. Сыромятников [23]. Видимо, не является простым совпадением, что и он начал свою научную деятельность ещё в дореволюционный период, поэтому, думается, не без труда мог приспособиться к утверждавшейся методике написания исторических трудов на основе застывших идеологических схем и штампов. Его приуроченная к столетию со дня смерти Сперанского статья, написанная в крайне тяжёлую для научного творчества эпоху, заметно выделялась на общем фоне исторической литературы того времени. Автор считал Сперанского искренним сторонником конституционной монархии, который первоначально вынужден был маскировать свои взгляды, получив возможность более свободно высказать их во «Введении».

Но постепенно интерес к конституционному проекту

1809г. среди советских историков стал угасать. Причина, конечно, заключалась не только в достаточной изученности вопроса в дореволюционной историографии, но и в усиливавшихся идеологических ограничениях. Проблема конституционализма и законности как принципов, отличающих «правильный» государственный строй от деспотизма, была очень уязвима с точки зрения политико-идеологической. Совершенно игнорировать «План» Сперанского было невозможно, но теперь следовало подчеркивать его ограниченность и половинчатость, в чём советские историки ещё более сблизились с некоторыми представителями дореволюционной «критической» (консервативной) историографии. «За блестящим конституционным фасадом, – писал Н.М. Дружинин, – Сперанский сохраняет старые знакомые институты: сословную иерархию, социальные и политические привилегии дворянства, феодальную зависимость крестьян от землевладельца, почти неограниченную власть императора (выделено нами)» [24]. Поэтому Дружинин отказался считать конституционный проект последовательным буржуазным документом. «В

1801-1820гг. русское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя», – заключал он в более поздней работе [25].

«Оттепель», последовавшая за смертью И.В. Сталина и XX съездом КПСС, по своему воздействию на историографию походила на ту «оттепель», которая была связана со смертью Николая I и начавшимися «Великими реформами». Впрочем, имелись и различия. Советские историки до самой «перестройки» не обладали той степенью свободы, которой пользовались историки второй половины XIX – начала XX вв. Поэтому значительное число появившихся в последний период существования советской власти исследований проблемы относилось или к «критическому», или к «среднему» направлению историографии. Отойдя от догматических крайностей, они не смогли или не могли освободиться от научного догматизма полностью. Такое впечатление, например, производит монография А.В. Предтеченского. Автор критически отнёсся к предложенному Сперанским новому

законодательному процессу. Он упрекает реформатора за недоверие его к будущему законодательному учреждению, признавая, впрочем, что Государственной думе была предоставлена достаточно хорошая компетенция. Отмечая в плане многочисленные пробелы, исследователь всё-таки пришёл к выводу, что «по своей социально-политической направленности «План» является конституцией, открывающей перед феодально-крепостническим государством возможность буржуазной эволюции» [26].

Традиции критической школы продолжил В.А. Калягин [27]. Для подтверждения своего взгляда Калягин прямо сослался на известное нам мнение Ленина. Но решительная критика «Плана» уже не преобладала в советской историографии, в которой всё более набирали силу его позитивные оценки. Это проявилось в монографии Н.В. Минаевой, которая полагала, что «весь смысл буржуазной по своей сущности реформы Сперанского заключен в стремлении провести через самодержавное правительство незаметно или с наименьшим риском быть непринятой идею представительного правления». Минаева обратила внимание на

подробную разработку в «Плане» системы местного управления, предположив, что в его организации Сперанский более полно высказал свои истинные политические замыслы, стремление создать представительное правление, основанное на разделении властей [28].

Современный период исследований «Введения» открыла начавшаяся в середине восьмидесятых годов «перестройка». Она благоприятно повлияла на исследования конституционной истории России, соединив два благоприятствовавших этому условия: впервые возникла возможность действительно объективно исследовать конституционные проекты и одновременно появился общественный запрос на данную проблематику. В определённой мере были воспроизведены условия существования историографии начала XX в., а также доминировавшие до 1917г. историографические направления. На практике, как это было и до революции, конкретные работы могли относиться к «среднему» направлению, соединяя положительные оценки отдельных положений «Введения» с критикой других.

Первым представителем современной «позитивной»

историографии следует считать Н.Я. Эйдельмана. Он дал общую оценку «Введения» как интересного проекта «революции сверху», который зашел далеко» [29]. Соглашаясь с недостатками проекта, умеренностью предполагавшихся преобразований, Эйдельман все-таки признал его огромным шагом вперед в политической истории страны. К этому же направлению относится монография С.В. Мироненко [30]. Наиболее откровенно свои симпатии к деятельности Сперанского продемонстрировал С.А. Чибиряев, работа которого является скорее публицистическим произведением, апологией личности и деятельности «великого русского реформатора» [31]. Очевидные противоречия и неясности, которые присущи запискам и проектам Сперанского, автор объяснил внутренней самоцензурой, необходимостью считаться с характером императора. Либерально-апологетическое направление историографии представляет также работа С.В. Кодана [32]. Оригинальную оценку «Введения» попытался дать В.И. Морозов. Реконструируя закрепленную в нём концепцию государственного управления, автор посчитал, что реальные намерения

Сперанского не соответствовали формально заявленной схеме. На деле реформатор якобы стремился придать Думе по возможности независимое от монарха существование, «в реальные планы Сперанского входило установление в России ограниченной монархии, причем в её парламентской разновидности» [33].

На фоне ставших вновь преобладать «позитивных» оценок «Введения» не исчезли и негативные, соединявшие подходы не только дореволюционных, но и советских критиков правительственного конституционализма эпохи Александра I. В публицистической форме с критикой Сперанского выступила Г. Макеева [34]. Её книга является памфлетом против «чиновнического либерализма», проявления которого автор видел в современной ей «перестройке». В категории научных исследований данное направление историографии представляет работа В.А. Фёдорова. Остановившись на поставленной Сперанским дилемме (истинная или ложная конституция), автор считал, что «Введение» предполагало последнюю форму. «Государственная дума хотя и называлась Сперанским «законодательным

учреждением», но по существу это был консультативный, совещательный орган», – писал он [35]. Наконец, сохранилось и «среднее» направление историографии, к которому можно отнести труды А.Н. Медушевского, А.Н. Сахарова, В.А. Томсинова [36–38].

Итак, некоторые вопросы, вызвавшие споры ещё первых исследователей «Введения», продолжают оставаться дискуссионными и для современных ученых. Каков же взгляд автора настоящей статьи на политико-юридическое содержание «Введения»?

Во-первых, следует согласиться, что собственные политические взгляды Сперанского трудно определить из-за характера его основных записок, которые, как и «Введение», писались по заказу, причём взгляды заказчиков могли значительно отличаться. «Молодые друзья» императора, составившие в начале его правления негласный комитет, сомневались в возможности немедленного перехода России к конституционному правлению, рассматривали его как конечную цель длинной цепи подготовительных преобразований. Этому взгляду вполне соответствовала записка 1803г. Напротив, Александр I, несмотря на все

колебания и сомнения, большую часть своего правления стремился к учреждению конституционных институтов, что было осуществлено им в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском. Это отразилось в составленном по его заказу «Введении». Однако Сперанский не являлся, как известный персонаж пьесы

А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», просто «золотым пером», способным из соображений карьеры блестяще оформить любую мысль любого политического заказчика. По крайней мере, до 1812г. он придерживался передовых политических взглядов, не мог не симпатизировать конституционным учреждениям. Все составленные им в это время записки и проекты можно идентифицировать как прогрессивные. Правы те историки, которые усматривают политические симпатии их автора в той страсти, с которой он всегда осуждал деспотизм и отстаивал необходимость «истиной монархии».

Во-вторых, Государственную думу в окончательном варианте «Введения» следует считать законодательным, а не законосовещательным учреждением. Неопределён-

ное понятие «уважение законов» включало и их обсуждение, и их принятие. Это, например, следует из следующего положения проекта: «Утверждение закона везде принадлежит власти державной, с тем только ограничением, что в Англии и во Франции не может она утвердить закона, большинством голосов не уваженного, а в Англии, сверх того, может не утвердить закона, хотя бы он и всеми был уважен». Ниже, обосновывая необходимость наделения законодательной инициативой исключительно державную власть, автор проекта писал: «И, впрочем, какая польза для неё отлагать предложение закона полезного или предлагать закон вредный? Первым она стеснит только себя в собственных своих деяниях, а второй будет отвергнут в законодательном сословии» [39]. Ещё яснее законодательные полномочия Думы определены в «Кратком начертании государственного образования», в котором Сперанский сделал «выжимку» из «Введения»: «Закон, уваженный в Думе, вносится на высочайшее утверждение. Закон, признанный большинством голосов неудобным, остаётся без действия» [40].

В-третьих, нельзя представлять Сперанского сто-

ронником парламентской монархии. Подобные симпатии не только не вытекают из текста «Введения», но, думается, не следуют и из внутренних убеждений его автора. Следует помнить, что даже в Англии того времени парламентская монархия только формировалась, постепенно заменяя монархию дуалистическую, идея которой и была заложена во «Введении». Сперанский, человек умный и проницательный, не являвшийся, как писал Середонин, пребывавшим в состоянии самогипноза фанатиком, не только в тексте своих работ никогда не выступал за парламентскую монархию, но и внутренне, полагаю, не мог не понимать невозможности подобного строя в современной ему России. Более того, Сперанский не мог не понимать, что в проектированной им Государственной думе будет представлено почти исключительно поместное дворянство, либерализм которого вызывал большие сомнения. Именно этим, а не просто желанием угодить монарху, объяснялась та осторожность, с которой автор «Введения» наделял правами «законодательное сословие», сообщал ему важное, но второстепенное сравнительно с царской властью государст-

венно-политическое значение. Ещё долго либеральные бюрократы будут связывать свои планы реформ, особенно социальных, с сохранением сильной монаршей власти.

Литература

- [1] Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000.
- [2] Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961.
- [3] Цит. по: Николай Михайлович. В кн. Граф П.А. Строганов. Т.1. СПб., 1903.
- [4] Tourgueneff N. Le Russie et les Russes. T.I-III. Paris, 1847. Полный русский перевод книги: Тургенев Н. Россия и русские. М., 2001.
- [5] Корф М. Жизнь графа Сперанского. В 2-х т.т. Т.1. СПб., 1861.
- [6] Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871.
- [7] Берендтс Э.Н. Вступление. Проекты реформ Сената в царствование императора Александра I // История Сената. Т.3. СПб., 1911. См. также: Благовосветлов Г.Е. Один из наших государственных деятелей // Благовосветлов Г.Е. Сочинения. СПб., 1882; Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т.3. СПб., 1869; Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909; Глинский Б.Б. Борьба за конституцию. 1612-1861. СПб., 1908; Довнар-Запольский М.В. Политические идеалы М.М. Сперанского. М., 1905; Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. Т.1084. 1901. №№10-12; Завитневич В.З. Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование императора Александра I. Киев, 1907; Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. СПб., 1873; Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812г. СПб., 1911; Кизеветтер А. Деятельность в истории России. Ростов-на-Дону, 1903; Ковалевский Е. Граф Блудов и его время (Царствование императора Александра I). СПб., 1866; Мещерский И.И. Граф М.М. Сперанский. Краткий очерк его жизни и государственной деятельности. СПб., 1911; Новаковский В. Биографические очерки. М.М. Сперанский. СПб., 1868; Погодин М.П. Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу) // Русский архив. 1871. №№1-3; Пыпин А.Н. Разбор сочинения

М.И. Богдановича «История царствования императора Александра I и Россия в его время». В 6-ти т.т. СПб., 1869-1871. СПб., 1872; Романович-Славатинский А.В. Государственная деятельность графа Михаила Михайловича Сперанского. Киев, 1873; Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700-1895). Ростов-на-Дону, 1905; Семевский В.И. Вопрос о преобразовании государственного строя в XVIII и первой четверти XIX в. // Былое. 1906. №1; Семевский В.И. Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX в. // Историческое обозрение. Т.9. СПб., 1897; Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т.1. СПб., 1888; Семевский В.И. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I // Отечественная война и русское общество. Т.2. М., 1911; Семевский В.И. Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество. Т.2. М., 1911; Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909; Семевский В.И. Сперанский

М.М. // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т.61. СПб., 1900; Сергеевич В.И. Государство и право в истории // Сборник государственных знаний. Т.7. СПб., 1879; Середонин С.М. Граф М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909; Середонин С.М. К «Плану всеобщего государственного образования» // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. Сб. ст. СПб., 1911; Уманец Ф.М. Александр и Сперанский. Историческая монография. СПб., 1910; Фадеев А.Н. М.М. Сперанский. 1809-1909. Биографический очерк. Харьков, 1910; Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т.2. СПб., 1897; Щеглов В.Г. Государственный совет в России, в особенности в царствование императора Александра Первого. История образования русского Государственного совета сравнительно с аналогичными западноевропейскими учреждениями. Т.1. Ярославль, 1892; Южаков С.Н. М.М. Сперанский, его жизнь и общественная деятельность.

- СПб., 1892; Якушкин В.Е. Государственная власть и проекты государственных реформ в России. СПб., 1906; Якушкин В.Е. Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905.
- [8] Нольде А.Э. М.М. Сперанский. Биография. М., 2004.
- [9] Середонин С.М. Граф М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909.
- [10] Семевский В.И. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I // Отечественная война и русское общество. Т.2. М., 1911.
- [11] Мельгунов С.П. Император Александр I // Отечественная война и русское общество. Т.2. М., 1911. См. также: Покровский М.Н. Александр I // История России в XIX в. Т.1. СПб., 1909; Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения в четырёх книгах. Кн.2. М., 1965; Покровский М.Н. Сперанский М.М. // Энциклопедический словарь русского биографического института Гранат. Изд.7. Т.41. Ч.4. М., 1910; Сторожев В.Н. Император Александр I и русский правительственный либерализм начала XIX века // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т.5. М., 1913.
- [12] Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700-1895). Ростов-на-Дону, 1905.
- [13] Кизеветтер А.А. История России в XIX в. Литографированный курс. Ч.1. М., 1910.
- [14] Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., 1993.
- [15] Лазаревский Н.М. Русское государственное право. Конституционное право. Т.1. Изд.3. СПб., 1913.
- [16] Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Ч.1. Юрьев, 1914.
- [17] Бородин М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909.
- [18] Сторожев В.Н. Император Александр I и русский правительственный либерализм начала XIX века // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т.5. М., 1994.
- [19] Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения в четырёх книгах. Кн.2. М., 1965.
- [20] Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-

- историческом освещении. Изд.2. Т.7. А.-М., 1928.
- [21] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.10.
- [22] Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. (Очерк об Александре I вышел в 1924г. отдельным изданием).
- [23] Сыромятников Б. М.М. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Советское государство и право. 1940. №3.
- [24] Дружинин Н.М. Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. Ч.1. М.-Л., 1939.
- [25] Дружинин Н.М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964.
- [26] Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.-Л., 1957.
- [27] Калягин В.А. Политические взгляды М.М. Сперанского. Саратов, 1973.
- [28] Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982.
- [29] Эйдельман Н.Я. Революция сверху в России. М., 1989.
- [30] Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
- [31] Чибиряев С.А. Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., 1993.
- [32] Кодан С.В. Божьей милостью чиновник. М.М. Сперанский и Российское государство. Екатеринбург, 2001.
- [33] Сперанский М.М: Жизнь, творчество, государственная деятельность. СПб., 2000.
- [34] Макеева Г. Сперанский и другие. Роман о первой русской перестройке. М., 1990.
- [35] Фёдоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997.
- [36] Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.
- [37] Сахаров А.Н. Александр I (К истории жизни и смерти) // Российские самодержцы. М., 1993.
- [38] Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М. Сперанского. М.,

1991 (книга выдержала несколько изданий, её расширенный вариант был опубликован в серии «Жизнь замечательных людей»).

[39] Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000.

[40] Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961.